

А. А. Аксёникова-Бирюкова

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ «СТРАХ» В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются философские и религиозно-мифологические основания возникновения фразеологизмов, передающих состояние страха в русском и китайском языках; анализируются фразеологизмы, описывающие отношение к страху в двух культурах и способы выражения данной эмоции.

Ключевые слова: лингвокультура, страх, фразеологизм, русский язык, китайский язык.

В последнее время все более актуальным становится изучение проблемы взаимосвязи языка и эмоций, которые являются мотивационной базой сознания, мышления и социального поведения. Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры [1, с. 88]. Страх, который появляется при нахождении человека в опасных ситуациях, относится к базовым эмоциям. В связи с этим он находит отражение в различных языковых средствах, в том числе – фразеологических, которые позволяют передать уникальность национального восприятия действительности.

Огромное влияние на формирование отношения китайского народа к эмоции «страх» оказало философское учение Конфуция, которое тесно связано с таким понятием, как 君子 [jūnzǐ] – *Благородный муж* ‘идеальная личность’. Это человек, который достиг определенных нравственных качеств, отказавшись от крайностей и придерживаясь правила «золотой середины»: 中庸之道 [zhōng yōng zhī dào] – *Принцип золотой середины* [2, с. 495]. Таким образом, этическим идеалом считался спокойный, рассудительный человек, свободный от проявления эмоций. Кроме того, необходимо отметить наличие такого характерного для конфуцианства понятия, как принцип «сохранения лица». Он предполагал поддержание человеком своего доброго имени, достоинства и положительного образа, для которого не свойственно бурное выражение эмоций: 搽粉进棺材 – 死要脸 [chá fěn jìn guāncái – sǐ yào liǎn] – *Ложиться в гроб напудрившись – умирая, заботиться о лице* ‘постоянно думать о сохранении лица’ [3, с. 83].

Китайской культуре присуще негативное отношение к страху, так как он приводит к «потере лица» и нарушению внутреннего равновесия челове-

ка. Вместе с тем признается, что причины для страха существуют. Так, страх вызывают негативные слухи о человеке и разговоры о нем, которые способны отрицательно повлиять на его образ: 人言可畏 [rényán kě wèi] – *Людская молва страшна* [2, с. 195]. В то же время отмечается, что нечего бояться человеку, у которого есть поддержка: 有恃无恐 [yǒu shì wú kǒng] – *Есть опора – нет страха* ‘безбоязненно жить и работать, чувствуя за спиной поддержку’ [2, с. 209].

На философское отношение русского человека к сути страха большое влияние оказала православная вера. Страх порицается церковью, но, в отличие от печали и гнева, он не является смертным грехом: *Всякий страх в доме хорош* [4, с. 97]. Интересно, что в православии выделяется два вида страха: страх Божий и страх пред всем иным. При этом страх пред чем-либо, кроме Бога, происходит от маловерия человека, считается признаком и условием внутренней несвободы, зависимости и несовершенства: *в страхе* ‘в полной покорности, в повиновении’; *на страх* ‘для устрашения кого-либо’; *под страхом* ‘под угрозой’ [5, с. 462]. Страх Божий, поселяясь в сердце человека, изгоняет всякий иной страх и делает человека поистине бесстрашным. Считается, что *Смелым Бог владеет* [4, с. 381]. В то же время Божий страх признается основой добродетельной жизни: *Начало мудрости – страх Господень* [4, с. 365].

Интересен тот факт, что в китайских фразеологизмах очень редки описания изменений, которые происходят во внешности человека, испытывающего страх: 骨寒毛竖 [gǔ hán máo shù] – *Кости застыли, волосы встали дыбом* ‘дикий ужас; бросать в дрожь’ [2, с. 160]. 瞠目结舌 [chēng mù jié shé] – *Онеметь, широко вытаращив глаза* ‘онеметь от испуга’ [2, с. 65]. Таким образом, определяется, что человек, испытывающий страх, словно лишается жизненных сил. Кроме того, следует отметить, что проявление страха – вытаращенные глаза и поднятые волосы – в данном случае схоже с проявлением гнева: 发指眦裂 [fā zhǐ zì liè] – *Волосы встали дыбом, глаза вылезли из орбит* ‘разозлиться; рассвирепеть’ [2, с. 119].

Для русской культуры, напротив, свойственно изображение состояния и реакций организма на страх. При этом задействованы различные части тела человека: *волосы встали дыбом; кровь застыла в жилах; поджилки задрожали; зуб на зуб не попадает; дрожит как осиновый лист; мурашки бегают по спине; мороз по коже дерет* [6]. Показателем страха является ощущение холода. Примечательно, что в русской языковой картине мира при описании чувства страха применяется также образ огня: *как огня бояться; пуще огня бояться* [6]. Страх воспринимается как некая сила, имеющая власть над человеком: *наводит ужас, приводит в ужас* [6].

Петух в Китае – это птица пяти добродетелей: образованности, храбрости, мужества, гуманности и доверия. Существует притча, согласно которой для участия в петушиных боях петуха тренируют, словно мастера ушу, так,

чтобы он стал невозмутимым, спокойным, непоколебимым, как гора Тайшань [7]. Выражение 呆若木鸡 [dāi ruò mù jī] – *Застыть как деревянный петух* [2, с. 95] изначально обозначало мудрого человека, сохраняющего самообладание. Позже его стали использовать для характеристики трусливого человека в значении ‘оцепенеть от страха’.

В восточнославянской мифологии петух связан с божествами солнца и небесного огня, является символом счастья и плодородия. Однако следует отметить, что он также ассоциируется не со спокойствием или страхом, а с гневом, сравн.: *петушиться* ‘запальчиво и обидчиво сердиться, впадать в заносчивость’ [8].

Согласно трактатам древней китайской медицины, желчный пузырь – вместилище храбрости: 胆怯 [dǎn qiè] – *Желчный пузырь боится*. Изменения в размере этого органа указывают на степень смелости человека: 胆大 [dǎn dà] – *Большой желчный пузырь* – в значении ‘храбрость’, 胆小 [dǎn xiǎo] – *Маленький желчный пузырь* – в значении ‘пугливость, трусость’. В паре с другими органами человека желчный пузырь указывает на степень страха: 肝胆具裂 [gāndǎn jùliè] – *Печень и желчный пузырь разрываются* ‘трепетать от страха, быть охваченным ужасом’. Интересно, что печень по древнекитайским представлениям считалась местом нахождения души хунь [9, с. 96]. Иероглиф 肝 [gān] имеет два значения – ‘печень’ и ‘душа’.

В чжоуских текстах говорится о наличии у человека двух душ: духовной 魂 [hún] – хунь и материальной 魄 [pò] – по. По появляется в момент зачатия человека и отвечает за его физиологические процессы, хунь возникает с рождением человека, входит в него с первым вздохом и отвечает за эмоции и ментальные процессы. В китайской наивной картине мира души хунь и по покидают тело в момент смерти. Материальная душа по уходит вместе с телом умершего в землю, превращаясь в опасный дух 鬼 [guǐ] – гуи; духовная душа хунь возносится на небо, превращаясь в добрый дух 神 [shén] – шэнь [10, с. 105]. Таким образом, страх, при котором души покидают тело, равносителен смерти человека: 魂不守舍 [hún bù shǒu shě] – *Душа не охраняет дом* ‘смертельно испугаться, душа не на месте’ [2, с. 195]; 失魂落魄 [shī hún luò pò] – *Утрачен дух, душа упала* ‘потерять присутствие духа; паниковать; растеряться; душа в пятки ушла; потерять голову от страха’ [2, с. 387]; 胆裂魂飞 [dǎn liè hún fēi] – *Желчный пузырь разорвался и душа улетела* ‘смертельно перепугаться’ [2, с. 105].

В то же время, согласно китайской наивной картине мира, у человека есть сердце, в котором сосредоточены воля, характер и чувства человека: 胆战心寒 [dǎn zhàn xīn hán] – *Желчь трясется, сердце застыло* ‘бояться до ужаса’ [2, с. 105]; 提心吊胆 [tí xīn diào dǎn] – *Поднять сердце и подвесить желчь* ‘трепетать от страха; душа в пятки ушла’ [2, с. 412]. Сердце является аналогом души, которая способна испытывать эмоции и не может покинуть

человека при его жизни: 心惊肉跳 [xīn jīng ròu tiào] – Душа испугана, мышцы прыгают ‘беспокоиться по поводу приближающейся опасности; душа беспокойна; потрясенный; не находить себе места; до смерти перепугаться; дрожать от страха; сердце колотится; поджилки трясутся; мороз по коже продирает [2, с. 469]’. 心慌意乱 [xīn huāng yì luàn] – Душа в смятении, мысли в беспорядке ‘быть в полном замешательстве; в панике’ [2, с. 469]. Испуганная душа приводит к нарушению как телесного, так и умственного ритма деятельности и порядка, нарушая гармонию организма в целом.

В соответствии с представлениями русского народа, сердце представляет собой часть человеческой души, средоточием всех чувств и настроений человека, в том числе страха. В русских фразеологизмах одновременно могут использоваться оба понятия – сердце и душа: Душа ушла в пятки (Сердце ушло в пятки); Сердце упало; Душа не на месте (Сердце не на месте) [7]. Отсутствие сердца в положенном месте и его перемещение на периферию человеческого тела означает нарушение нормального положения вещей, угрожающее жизни человека. Страх, таким образом, связан со смертью: смертельный страх, испугаться до смерти [7].

Проявление страха в китайском сознании является крайне отрицательным явлением. Напуганный человек подобен маленькой мыши: 抱头鼠窜 [bào tóu shǔ cuàn] – Обхватить голову руками и спрятаться в мышиную нору ‘затаиться; обратиться в бегство’ [2, с. 31]. Большое внимание уделяется объяснению того, что человеку не стоит бояться, так как многие его страхи необоснованны и преувеличены: 杯弓蛇影 [bēi gōng shé yǐng] – (Отраженный) в кубке (с вином) лук принять за змею ‘ложный испуг как следствие мнительности; испугаться созданного собственным воображением; пуганая ворона куста боится’ [2, с. 34]. 草木皆兵 [cǎo mù jiē bīng] – Травы, деревья – все вражеские солдаты ‘пуганая ворона и куста боится; у страха глаза велики; везде и всюду мерещатся враги’ [2, с. 55]. 床下牛斗 [chuáng xià niú dòu] – (Слышать, как) под кроватью быки дерутся вместо ползанья муравьев ‘болезненная мнительность; нервозность’ [2, с. 80]. 风声鹤唳 [fēng shēng hè lì] – Шум ветра и крик журавлей принимать за топот преследующих ‘кто-либо чувствует сильный страх и преувеличивает опасность’ [2, с. 95]. Не исключается возможность того, что человек сам запугивает себя: 打上黑脸照镜子 – 自己吓唬自己 [dǎshàng hēi liǎn zhào jìngzi – zìjǐ xiàhǔ zìjǐ] – Вымазав лицо черной краской, смотреться в зеркало – самому себя пугать [3, с. 75]. В то же время страху и опасениям может быть подвержен человек, который был напуган ранее: 惩前毖后 [chéng qián bì hòu] – Получив наказание в прошлом, остерегаться в будущем [2, с. 69].

В русской культуре высоко ценится храбрость: Иду вперед – лучше страх не берет; Волка бояться – в лес не ходить; На всякую беду страха не напасешься [4]. Отмечается, что трусливый человек часто преувеличивает

опасность: *Трусливому зайке и пенек волк; Пуганая ворона куста боится; У страха глаза велики* [4].

Таким образом, анализ фразеологизмов, объективирующих эмоцию страха, показал:

1. Проявление человеком страха не одобряется как в русской, так и в китайской традициях. В русской культуре страх порицается в связи с тем, что имеет отношение к греху, утрате веры в Бога; в то же время признается наличие страха Божьего. В китайской культуре эмоция страха считается недостойной «благородного мужа», так как данная эмоция приводит к потере лица и нарушению внутреннего равновесия человека.

2. В китайских фразеологизмах в отличие от русских очень редки описания изменений, которые происходят во внешности человека, испытывающего страх.

3. Согласно трактатам древней китайской медицины, желчный пузырь – вместилище храбрости.

4. В соответствии с китайской наивной картиной мира, страх влияет на души хунь, *по* и *синь*. В соответствии с представлениями русского народа, сердце представляет собой часть человеческой души, средоточием всех чувств и настроений человека, в том числе страха.

Список использованных источников

1. Андреева, С. М. Фразеологические единицы эмоционального концепта «страх» в русском и английском языках / С. М. Андреева, А. М. Андреева, О. В. Безуглова // Междунар. науч. журнал «Символ науки». – 2015. – № 7. – С. 88–92.

2. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуайн. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.

3. Прядохин, М. Г. Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка / М. Г. Прядохин, Л. И. Прядохина. – 2-изд. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 218 с.

4. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – Минск : Эксмо, 2009. – 640 с.

5. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

6. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. – М. : Русский язык. 1987. – 542 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bookree.org/reader?file=1334134&pg=520>. – Дата доступа : 15.07.2021.

7. В Китае с древнейших времен высоко ценят культуру Петуха // Правда [Электронный ресурс]. – 2017. – 27–30 янв. – Режим доступа : <https://kprf.ru/pravda/issues/2017/9/article-57387/>. – Дата доступа : 20.08.2021.

8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.povto.ru>. – Дата доступа : 18.08.2021.

9. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : Лань, 1999. – 416 с.

10. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2006. – Т. 2 : Мифология. Религия / ред.: М. Л. Титаренко [и др.]. – 2007. – 869 с.

The article discusses the philosophical and religious-mythological foundations for the emergence of phraseological units that convey the state of fear in the Russian and Chinese languages; the phraseological units describing the attitude to fear in two cultures and the ways of expressing this emotion are analyzed.

Keywords: linguoculture, fear, phraseological units, Russian, Chinese.

УДК 811'42'37:398.92 (=581)

С. Ю. Аксёничков-Бирюков

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КИТАЙСКИХ ИДИОМ ЧЭНЬЮЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ КАЛЛИГРАФИЮ

В статье анализируются фразеологические единицы китайского языка с утраченной внутренней формой, характеризующие каллиграфию. Объектом исследования является семантика компонентного состава соответствующих китайских фразеологизмов. Предметом исследования выступает связь семантики компонентов фразеологизмов с традиционной китайской культурой, историей и мифологией.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, китайский язык, чэньюй, внутренняя форма.

Фразеология любого языка – это «ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражаются видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа» [1, с. 58]. Фразеология представляет собой вербальное выражение познанных человеком сторон окружающей его действительности, его национально-духовного сознания.

Обычаи национальной культуры оказали значительное влияние на китайский язык. Особый колорит придают данному языку чэньюй – устойчивые обороты, фразеологизмы, которые, как правило, состоят из четырёх иероглифов [2, с. 321]. Овладение знаниями в области культуры, а также истории позволяет наиболее точно определить значение фразеологизмов с затемнённой внутренней формой. К ним относятся чэньюй, значение которых изначально не может быть понятно для носителей другой лингвокультуры.

Обратимся к рассмотрению внутренней формы китайских немотивированных фразеологизмов 笔走龙蛇 [bǐ zǒu lóng shé] – букв. *Кисть движется*